

Поль Отавис никогда не был героем.

Его родители были простыми крестьянами, гнувшими спину на мерзлой земле. Не пади Пики Метели, Поль унаследовал бы отцовскую зазубренную мотыгу и вечно согбенную спину — хотя его собственная спина и так никогда не разгибалась.

Он, разумеется, не знал малюго толка в магии и не владел боевыми искусствами.

Мерзлая земля научила Поля лишь двум вещам: терпению и молчаливому выживанию посреди этого терпёжа.

Каково это — жить жизнью Раба-Хворостинки?

Порой Полю казалось, что это вовсе и не жизнь.

Еще до рассвета в шахтерском посёлке звенел колокол. Им приходилось подниматься и вставать в очередь за похлебкой из бобов, столь жидкой, что в ней можно было разглядеть собственное отражение.

В шахтах царилa непроглядная тьма, и лишь слабый кружок света от потрепанной шахтёрской лампы на голове освещал дорогу на два-три шага вперед.

Они тащили на спинах тяжелые короба с рудой, и этот груз был способен переломить человеку хребет.

День за днем: стертые в кровь плечи, кровавые трещины на руках, боль в пояснице, не позволяющая разогнуться.

Но и это еще не самое страшное.

Хуже всего было раскаленное железо.

На лбу каждого Раба-Хворостинки красовалось клеймо в виде языков пламени.

Стоило выжечь его, и судьба человека была предрешена раз и навсегда.

Родился рабом — рабом и умрешь, и дети твои разделят ту же участь.

Как только ребенку исполнялось десять лет, клеймо накладывали сызнова, прижигая лоб и навсегда впечатывая в его плоть цепи поколения за поколением.

Надсмотрщики твердили, что таковы правила.

Поль слышал, как один старый раб с потухшими глазами бормотал, будто эти порядки завели вовсе не ваньланыцы, а переняли их у нибелунгов.

Когда-то давно, срубив голову королю Пиков Метели, ваньланыцы заодно освоили и это ремесло.

Тогда Поль думал: неужели и он сам станет таким же, как тот старик — с пепельными глазами, равнодушным ко всему на свете, неспособным даже почувствовать боль?

Но теперь он знал: нет.

Ни за что.

Потому что пока у тебя есть дети, ты никогда не сможешь относиться ко всему равнодушно.

Клеймо еще не коснулось лба Лорена, но от одной мысли об этом дне сердце Поля сжималось так, будто его полосовали ножом.

По мере того как он все ближе подбирался к Горе Хэйлун, подземная пульсация становилась всё тяжелее — в этом заключался особый дар Поля: он всегда острее других чувствовал биение земного пульса.

Так Поль без особых происшествий проник в Гору Хэйлун и стал карабкаться вверх по оврагам, пробитым потоками древней лавы.

Вокруг царила жуткая, мертвая тишина — здесь не было видно даже самых устойчивых к жаре пещерных ящериц и огненных скорпионов.

Добравшись до середины склона и оглянувшись назад, он увидел, что горная порода внизу отливает зловещим темно-красным и смоляно-черным цветом, словно ее бесчисленное количество раз обжигали, остужали и разрывали на части.

Поль шел короткими перебежками, то и дело прищуриваясь и бдительно оглядывая вокруг зубчатые скалы и пустынные склоны.

Если не считать завывания ветра да глухого гула вулкана в вышине, на этой безжизненной земле, казалось, не осталось ни единого живого существа.

Лишь в полдень Полю наконец удалось с большим трудом взобраться на выступающий

скальный уступ, где он смог перевести дух.

Но стоило ему собраться в путь, как до слуха донесся какой-то шум, принесенный ветром.

Поль тут же припал к земле, спрятавшись в тени громадного валуна, и осторожно заглянул вниз.

На пологом склоне пониже собралось человек сорок или пятьдесят. Люди топтались на месте у входа в огромную пещеру, не решаясь войти.

Свод над входом в пещеру был покрыт трещинами, оттуда то и дело сыпалась мелкая крошка, а много выше пробивался смутный оранжево-красный свет — так мерцали потоки лавы.

Поль немного поколебался, а затем стал спускаться к подножию.

Однако он переоценил свои силы.

Жар снаружи обжигал тело, будто раскаленный докрасна железный лист, рев лавной реки сотрясал внутренности, а разлетающиеся во все стороны осколки камней исцарапали ему лицо и руки.

К тому моменту, когда Поль чудом добежал до входа, он выглядел столь жалко, что походил на выбившегося из сил пса.

А те, кто добрался до пещеры раньше, в большинстве своем были безликими головорезами и авантюристами; завидев тощего, запыхавшегося раба с клеймом на лбу, они без стеднения расхохотались.

Очередная смертницаская падаля приползла.

Раздался грубый окрик, и несколько ослепленных жадностью глупцов с дикими воплями первыми бросились внутрь.

Тут же из глубин туннеля донесся глухой удар и короткие, пронзительные крики — несколько расшатавшихся валунов сорвались вниз, в мгновение ока превратив бежавших впереди в бесформенное месиво.

Запах крови смешался с пылью.

Ноги Поля дрожали, стучали зубы.

Ради Лорена, ради Лэанны, ради Эльзы... — хрипло шептал он имена родных, а затем, выжав из себя невиданную за всю жизнь скорость, кубабарем бросился в зловещую темноту.

Когда мимо него свистнули летящие камни, сзади послышался чей-то яростный рев.

Поль бросил взгляд через плечо и увидел облаченного в кожаный доспех здоровяка, который с перекошенным от ужаса лицом пытался обогнать его.

Но ярость лавы оказалась быстрее всего — из трещины в своде пещеры прямо над ними оранжево-красный раскаленный поток бурной рекой понесся по склону вниз!

Поль уже чувствовал запах собственной паленой шерсти.

Инстинкт выживания выжал из тела последние силы, и он прыгнул вперед, прямо к зияющему в двух шагах входу!

Мир за спиной мгновенно превратился в преисподнюю.

Поль рухнул в темноту, по инерции перевернулся несколько раз и со всего маху врезался в каменную стену.

Но раньше боли до него дошел жар, пожирающий всё на свете, и истошные крики позади.

Дрожа, Поль оглянулся.

У края туннеля, где красный свет уже начал меркнуть, чернел обугленный, скрюченный человеческий силуэт, застывший в позе прыжка — это был тот самый здоровяк, опоздавший всего на полшага.

Полю чудом удалось выжить.

Оглядевшись вокруг, он понял, что в живых внутри пещеры осталось едва ли больше двадцати человек.

Толпа постепенно и сама собой разделилась на две группы.

Первую составляли такие же беглые или отпущенные из различных рудников рабы; в их глазах страх и оцепенение смешивались с едва сдерживаемой жадностью.

Вторую группу представляли чужаки в относительно добротном снаряжении. Они называли себя искателями приключений из Бригады Пепла; на лицах читалась настороженность, но в

повадках сквозила привычная профессиональная выдержка.

Главенствовал среди них средних лет мужчина с суровым взглядом и старым шрамом на лице.

На левой груди его кожаного доспеха еще угадывались соскобленные следы герба — эмблемы Рыцарского Ордена Ириса Великого Княжества Хунли.

Большинство из них держались миролюбиво и уважительно, резко контрастируя с грубыми окриками и злобой рабов, а один из них даже по-доброму поделился водой и вяленным мясом с совершенно вымотанным Полем.

Главаря звали Харл, он был оруженосцем.

Мы теперь служим Империи Ваньлань... Это место куда опаснее, чем ходят слухи, если хочешь выжить, лучше держаться вместе.

Полю так не хватало простой человеческой доброты, пусть он и понимал, что за ней кроются какие-то неведомые цели.

Сначала путь был легким, и природный инстинкт Поля, выработавшийся за годы каторжной работы в шахтах, пришелся как нельзя кстати.

Он то и дело предупреждал спутников о шатких камнях под ногами, находил за следами сочившейся по стенам воды скрытые пустоши и ловушки, а благодаря тонкому слуху на звуки камня помог избежать небольшого обвала.

Харл с покрасневшим от возбуждения лицом похлопал его по плечу и при всех похвалил:

Отличный глаз, Отавис. Ты куда лучше многих, кто зовет себя исследователями.

На бледном лице Поля впервые за долгое время проступил слабый румянец — крошечная капля тепла от чужого признания.

Однако по мере продвижения вглубь туннели начали меняться пугающим образом.

На каменных стенах появились неестественные следы скольжения, словно здесь долгое время терлось о камни какое-то покрытое чешуей гигантское создание, а в самом воздухе к запаху серы примешался приторно-гнилостный душок, напоминавший старый мед вперемешку с трупным смрадом.

Затем то тут, то там стали показываться чудовища.

Сперва слепые и кровожадные упыри, с которыми расправились лучники и разведчики отряда, затем жуки-землерои с панцирями прочнее железа — наемники встретили их щитовым строем, действуя всё так же слаженно.

Но то, что появилось следом, заставило содрогнуться каждого.

Из боковых ответвлений хлынули мстительные духи — создания, похожие на полузастывшую смесь лавы и душ. Всё, к чему они прикасались, раскалялось докрасна, а в воздухе повисал зловещий визг, похожий на плач.

Один из молодых разведчиков отряда попался им и под крики превратился в обугленный скелет.

Столкнувшись с магическими тварями, отряд неминуемо нуждался в магии. Но, как на грех, жрецы и колдуны к тому моменту уже погибли.

Страх начал расползаться по рядам.

Спасаясь бегством, люди потеряли всякий рассудок, и в отряде начались потери.

Они падали один за другим: одного раздавило сорвавшимся камнем, другого утащил в бездну выползший из тени червь, третьего поглотили призраки, четвертый рухнул в внезапно разверзнувшийся разлом, а пятого прямо по макушке ударил упавший сверху кусок лавы при попытке преодолеть обрыв.

Лицо Харла день ото дня становилось всё мрачнее; при нем остался лишь один тяжелоатлет Поси и один полуэльф-арбалетчик с суровым взглядом.

Впереди показался крутой спуск, внизу которого мерцал темно-красный свет — судя по всему, там находилось подземное озеро лавы.

Дорога была узкой, камни осыпались, а сзади всё отчетливее слышался рев приближающихся призраков.

Харл внезапно остановился.

В его глазах заплясали отсветы факела, он резко повернулся и переглянулся с двумя остальными.

Поль в этот момент стоял к ним спиной, пытаясь отыскать на склоне надежную опору для ног.

Сзади послышался рассекающий воздух свист!

Он инстинктивно попытался уклониться, но годы голода и каторжного труда притупили реакцию — удар пришелся сбоку.

Тяжелый молот со всего маху врезался Полю выше левого колена.

Хруст.

Звук ломающейся кости резанул по ушам.

Пронзительная боль обожгла тело, заставляя кричать, и Поль рухнул на землю. Катясь по склону, он успел заметить, как Харл поднимает забрызганный кровью боевой молот.

За... что... — свернувшись калачиком со сломанной ногой, прохрипел Поль сквозь стиснутые зубы.

Кто-то же должен остаться, чтобы задержать этих тварей.

Голос Харла звучал пугающе спокойно.

Ты и так хромал, а теперь с такой ногой за нами не поспеешь. Поль, мы благодарны тебе. Твой опыт привел нас сюда, но польза твоя исчерпана. Мы запомним твой вклад... если у нас еще будет будущее...

Не успело затихнуть эхо слов, как шаги спутников уже удалились.

Свет их факелов растворился в темноте и исчез окончательно.

Вокруг воцарилась кромешная тьма.

А следом отовсюду донеслись едва слышные шорохи — липкое трение чешуек о камень, прерывистое хихиканье и тот самый приторный душок гниения.

Всё гуще, всё ближе.

Поль Отавис лежал на холодном камне, ожидая смерти.

Обломки кости проткнули плоть, теплая кровь просачивалась в трещины вулканической породы.

Холод от потери крови и пронзительная боль по очереди терзали сознание Поля, но еще отчетливее ощущалось приближение невыразимого ужаса из темноты.

В руке Поля осталась лишь зазубренная мотыга, но рукоять ее была насквозь пропитана потом и кровью, став скользкой и неудобной.

Поль услышал звук — в темноте кто-то дышал.

Он широко распахнул глаза, но перед ним простиралась лишь абсолютная чернота.

Эта тварь приближалась.

Совсем близко.

<http://bllate.org/book/19072/1873291>